

*Памяти А. В. Мишулина—инициатора
изучения проблем античного рабства в
советской историографии*

Я. А. Ленцман

О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РАБОВ

Вряд ли стоит доказывать важность изучения вопроса о рабстве в древней Греции. Эту узловую для понимания античности проблему ставит перед советскими историками античности все наше марксистско-ленинское мировоззрение; она непосредственно вытекает из задачи, поставленной товарищем Сталиным: «...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям „завоевателей“ и „покорителей“ государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»¹.

Несмотря на громадное принципиальное значение рабства в истории классической Эллады, этот вопрос поразительно мало изучался в историографии. На протяжении последнего столетия древнегреческое рабство исследовалось в работах А. Валлона, В. Рихтера, Эд. Мейера и в двух статьях в энциклопедических словарях Дарамбера-Сальо и Паули. При этом необходимо заметить, что книга Валлона² значительно устарела и далеко не соответствует современному состоянию наших знаний об античности. Работа В. Рихтера³ является небольшой популярной брошюрой, оставшейся к тому же незамеченной даже в немецкой историографии; доклад же Эд. Мейера «Рабство в древности»⁴ представляет собой не исследование, а просто декларацию взглядов его автора на рабство. Что же касается статей в энциклопедиях, то статья Боше и Шапо⁵ является просто краткой справкой, а работа Вестермана написана в явно фашистском духе⁶.

В данной статье мы не имеем возможности остановиться более обстоятельно на общей концепции древнегреческого рабства во всех указанных работах. Эта исключительно важная и политически актуальная задача должна стать темой специального исследования. Здесь мы вынуждены

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

² H. Wallon, L'histoire de l'esclavage dans l'antiquité, P., 1847 (2-е издание — P., 1879). Есть русский перевод С. П. Ко н д р а т ь е в а с хорошей вводной статьей А. В. Мишулина: А. В а л л о н, История рабства в античном мире, М., 1941.

³ W. Richter, Die Sklaverei im griechischen Altertume, Breslau, 1886.

⁴ Ed. Meyer, Die Sklaverei im Altertum. Доклад от 15. 1. 1898 г. включен в Kleine Schriften, Halle, 1910, стр. 169—212.

⁵ Ch. Daremberg et E. Sagliot, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, s. v. Servi, стр. 1260—1280 (par L. Beaulchet et V. Chapot).

⁶ W. L. Westermann, Sklaverei, RE, Supplb. VI, стрб. 894—1067.

ограничиться краткой справкой о том, как Валлон и Вестерман, авторы наиболее солидных исследований о рабстве, понимают греческие термины, обозначающие рабов. Валлон касается этого важного и сложного вопроса дважды, но только мельком, в примечаниях. В первом случае, поставив вопрос: «Как обыкновенно назывались рабы?», он отвечает: «Слово δούλος, обычное название раба, зачастую употреблялось в переносном значении; характерным для рабских функций было слово οἰκέτης, другие слова примыкали к этим понятиям с некоторыми чертами различия»¹. Здесь же он перечисляет λάτρις, ἀμφίπολος, πρόπολος, θεράποντες и даже θῆτες. Таким образом, Валлон, очевидно, смешивает воедино рабов с несомненно свободными фетами, не говоря уже о многочисленных промежуточных прослойках. В перечислении терминов Валлон следует Афиней (кн. VI, стр. 267с), но «дополняет» его правильный список, включив в него, правда, с оговорками, и фетов, чего вполне обоснованно не сделал автор «Дейнософистов». Во втором месте² Валлон касается слов σῶμα и ἀνδράποδον. Не давая ни исторического, ни филологического анализа этих важных терминов, он ограничивается кратким замечанием, что встретил слово σῶμα в значении «раб» впервые у Демосфена, и высмеивает мнение византийских грамматиков, считавших, что из слова ἀνδράποδον можно сделать вывод, что раб является ногой своего господина. Вот и все, что мы находим у Валлона по вопросу о богатейшей терминологии древнегреческого языка, касающейся рабства, которая развивалась и изменялась на протяжении целого тысячелетия.

Последним словом буржуазной историографии по античному рабству является вышедшая в 1935 г. вышеупомянутая статья В. Л. Вестермана в реальной энциклопедии Паули. Собственно говоря, это даже не статья, а крупное исследование, охватывающее около 200 столбцов весьма плотного текста. В настоящем обзоре, согласно рамкам нашей темы, речь будет идти только о первых двух разделах исследования, касающихся рабства в древней Греции. Труд Вестермана на первый взгляд выглядит весьма солидно и даже импозантно; он исключительно обильно оснащен научным аппаратом, изобилует многочисленными ссылками на литературные, эпиграфические и папирусные источники, учитывает немалое количество последних изданий книг и статей по отдельным частным проблемам. Все это создает внешнее впечатление исключительной добротности приведенных данных и научной объективности автора. Однако на деле эта статья весьма далека от объективного, даже в буржуазном смысле этого слова, изложения вопроса о рабстве. В ней вполне отчетливо выступает мейеровская концепция рабства, принимающая местами, согласно «духу времени», ярко выраженный фашистский характер.

Вместо того, чтобы путем детального анализа источников попытаться уточнить специфическое значение каждого из многочисленных терминов, обозначающих рабов, Вестерман предпочитает соединить их в одно целое. Он пишет: «Точными и однозначными (eindeutigen) обозначениями для рабов являются: δούλος — длительно употребляемое до конца античности, и главным образом в юридическом, а равно и в обиходном языке; ἀνδράποδον — юридически ясное и допустимое (zulässig) понятие... σῶμα ἀνδρέων и σῶμα γυναικῶν; оба эти термина постоянно появляются в миссионерских надписях. При переводе многочисленных слов, как οἰκέτης, θεράπων, παῖς, παιδάριον, которые, по существу, имеют иное зна-

¹ А. В а л л о н, ук. соч., стр. 231, прим. 13. Перевод мой.— Я. Л.

² Там же, стр. 264, прим. 9 и 11.

ченне, чем „раб“, надо быть осторожным, хотя они длительное время, правда, в свободном смысле, встречаются в этом значении у античных писателей»¹.

Таким образом, Вестерман не останавливается на вопросе о том, существует ли какое-нибудь различие между перечисленными им терминами, и фактически ставит между ними знак равенства. Это смешение различных понятий, как будет показано дальше, не является делом случая; оно нужно Вестерману для фальсификации положения рабов в древней Греции. При помощи этого приема Вестерман, находя какой-нибудь документ, где говорится об относительно благополучном состоянии одного или нескольких, более или менее привилегированных δούλοι, затем без каких-либо оснований распространяет это положение на всех рабов. Превознося положение афинских государственных рабов (δημόσιοι scil. δούλοι), которые в качестве низших чиновников государственного аппарата действительно пользовались относительной свободой, несмотря на свое юридически рабское состояние, он делает отсюда вывод о таком же положении основной массы афинских рабов. При помощи такого рода рассуждений Вестерман подводит читателя к следующему выводу: «Градации рабского сословия (Die Abstufungen des Sklavenstandes), характерные для греческого и эллинистического видов рабства, не оставляли места для резкого различия между свободным и рабом» (там же, стб. 908). Здесь же Вестерман заявляет, что «для человека, раз отпущенного на волю, не было никаких законных препятствий — если только государство разрешало (gab der Staat es zu) — к приобретению гражданского полноправия (Vollbürgerrechte)». Вестерман при помощи этого тезиса пытается обосновать точку зрения Эд. Мейера на античное рабство и «доказать», что между рабами и современным пролетариатом нет якобы никаких существенных различий; эти положения, явно противоречащие всем нашим сведениям об античности, провозглашаются для того, чтобы завуалировать ожесточенную классовую борьбу в древности. На взглядах Вестермана не стоило бы, пожалуй, столь подробно останавливаться, если бы они не превратились уже в общее место в буржуазных работах по древней истории. Между тем термины, перечисленные Валлоном и Вестерманом, далеко не являются синонимами, и определение специфического словоупотребления каждого из них может дать важные данные для характеристики всего древнегреческого рабства в целом.

* * *

Даже при поверхностном знакомстве с древнегреческими источниками нас поражает исключительное обилие слов, которыми греки обозначали отдельные категории рабов. Общее их количество достигает нескольких десятков. Так, например, у Поллука в месте, специально посвященном этому вопросу, перечисляются: δούλος, δούλη, ... οἰκέτης, οἰκέτις, θεράπων, θεράπεινα, θεραπεινίς, ... διάκονος, ὑπρέτης, ἀργυρώνητος, ὄνιος, οἰκότριψ, ... στήκις, ... οἰκογενής, ... παιδίσκη, ... ἀνδράποδος, ... σῶμα, ... παῖς и др.². Афиней, используя данные Клитарха, Америя, Гермонакса и Селевка, дает специальный список терминов, обозначающих рабов³. В списке Афиней

¹ RE, Supplb. VI, стб. 902.

² Pollucis Onomasticon, ed. E. Bette, Lpz., 1900, III, 74—78. Поллукс, труд которого относится ко времени Коммода, представляет большой интерес для нашей работы, так как: 1) он является одним из древнейших источников словарного типа; 2) его словарь построен не в алфавитном порядке, а по синонимам, что дает возможность сразу найти родственные понятия и нащупать различия между ними.

³ Athenaeus, The deipnosophists, изд. Loeb's, Lond., 1927—1943, т. IV, кн. VI, стр. 267с. Как известно, у этого относительно позднего писателя в VI книге его «Дейпносифистов» имеется единственная во всей дошедшей до нас античной литературе

имеется 17 названий различных категорий рабов, причем только шесть из них фигурируют в сопоставлении названий рабов у Поллукса. Однако термины, привлеченные Афинеем, имеют только местное значение и создают впечатление коллекции антикварных редкостей даже для его времени¹. В частности, среди перечисленных Афинеем слов не хватает столь часто встречаемых терминов как *ἀνδράποδος*, *σάμα* и т. д.

Таким образом, мы вправе ограничиться в дальнейшем разборе терминологий рабов, имеющейся у Поллукса. Даже если абстрагироваться от слов женского рода, представляющих собой только варианты соответственных слов мужского рода, и то у нас останется около полутора десятка терминов. Притом сюда не включены еще весьма многочисленные уменьшительные, как, например, *ἀνδραπόδιον*², *παιδικάριον*³ и др. В список Поллукса не вошли также встречающиеся у некоторых авторов термины: *δμῶς*, *δημόσιος* (scil. *δοῦλος*), *ἱερόδουλος*, *θρεπτός* и многие производные от *παῖς*. Не учтены здесь также и многочисленные местные термины, как, например, критские мноиты, афамиоты, клароты и другие.

Обилие различных греческих терминов, которые мы по необходимости вынуждены переводить одним, далеко не всегда адекватным их дифференцированным греческим значениям, словом «раб», само по себе вполне понятно. Во-первых, эти термины сложились в течение ряда веков; во-вторых, они возникли в разных местах и различных экономических условиях политически разобобщенного греческого мира; в-третьих, они, повидимому, отражают различные источники рабства, а также различия в положении отдельных прослоек рабов.

Первейшей задачей всякого объективного исследователя, стремящегося раскрыть характерные черты античного рабства во всем его своеобразии, является прежде всего попытка уточнить специфическое значение важнейших из интересующих нас греческих терминов. Ведь только таким путем мы получим надежную основу для характеристики исторической значимости тех или иных терминов, для дифференциации отдельных категорий рабов. Если бы даже, несмотря на пристальное изучение, нам не удалось определить специфическое значение этих терминов, все же попытка их выяснения является *conditio sine qua non* для всякого подлинно научного исследования в этой, как, впрочем, и во всех других областях древней истории.

Однако, как это показано выше, в буржуазной историографии по вопросам рабства и рабовладения господствует диаметрально противоположная тенденция. Вместо того, чтобы дифференцировать слова, определяющие рабов, мы наблюдаем явную тенденцию смешения этих терминов, тенденцию замазывания различий между ними. Так поступают и Валлон и Вестерман. Проблема изучения античного рабства во всем его историческом своеобразии может быть поставлена и решена только марксистско-ленинской историографией, рассматривающей явления диалектически «...с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания»⁴.

исключительно важная подборка свидетельств классических и эллинистических авторов о рабстве в Греции и частично в Риме. Материалы о рабстве у Афинеев см. в кн. VI, стр. 262b — 273a и *passim*.

¹ Вызывает удивление, почему Валлон в указанных выше примечаниях к своей «Истории рабства...» счел нужным перечислить все термины, приводимые Афинеем, умолчав в то же время об известном ему несравненно более важном и содержательном свидетельстве Поллукса.

² Liddell and Scott, A Greek-English lexicon, Oxf., 1940, s. v. *ἀνδραπόδιον*.

³ Там же, s. v. *παιδικάριον*.

⁴ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101.

Терминологический анализ интересующей нас группы слов является весьма сложным и трудным делом. Мы отдаем себе полный отчет в тех трудностях, которые возникают перед исследователями, пытающимися уточнить значение столь близких по смыслу понятий, как вышеперечисленные. Притом слова эти встречаются в источниках исключительно часто; ими пользуются различные авторы разных времен и территорий. Полностью охватить весь необозримый лингвистический материал, относящийся к рассматриваемым понятиям, вообще невозможно. И все же, несмотря на трудности исследования, на весьма далекое от совершенства и полноты качество нашего анализа, даже выборочный обзор наиболее характерных терминов позволит сделать ряд важных выводов, притом не столько филологического, сколько исторического порядка.

* * *

При рассмотрении слов со значением «раб» в древнегреческом языке мы можем разбить их на две большие группы. К первой принадлежат те из них, которые первоначально имели другой смысл и лишь с течением времени приобрели значение «раб». К этой группе, очевидно, можно отнести такие слова, как σῶμα — тело, φεράτω — товарищ, παῖς — ребенок, φρεττός — вскормленник, вместе с их производными, а также некоторые другие термины. Вполне понятно, что новое значение этих слов далеко не всегда вытеснило их основной смысл. Это обстоятельство иногда создаст дополнительные трудности в понимании текстов.

Вторую группу составляют те слова, которые, так сказать, ab origine означали рабов как таковых или же определенные их категории. К этой группе надо причислить в первую очередь слова типа δμῶς, οἰκέτης, οἰκογενής, δοῦλος, ἀνδράποδον и некоторые другие. Из этой группы меньше всего сомнений вызывает резко ограниченное хронологически слово δμῶς, которое применяется почти исключительно у Гомера и Гесиода. В классическую эпоху оно почти не встречается; только изредка им пользуются поэты. Словарь Папе¹ дает следующее пояснение: «δμῶς — раб, в поэзии = прозаическому δοῦλος, от δαμάω... сначала означало человека, побежденного в бою и обращенного в раба (Od., I, 398), впоследствии — вообще раба, вне зависимости от способа приобретения (Od., XXIV, 210)». Интерпретация Папе восходит к схолиям Аристоника к «Илиаде» (IV, 644), который, указывая на различие между φεταί и δμῶς, отмечает, что δμῶς δὲ αὐτοῖσι οἱ δοῦλοι παρὰ τὸ δεδμῶσθαι ὃ ἔστιν ὑποτάχθαι. Аналогично поясняют это слово также Лиддель и Скотт². Нам кажется вполне вероятной цитируемая Шапо³ гипотеза М. Бреалья, что слово δμῶς восходит к корню домос и, таким образом, оно аналогично famulus, несомненно тесно связанному с familia. Узкие хронологические рамки применения слова δμῶς⁴ и полное его исчезновение в разговорном языке классической эпохи дают основание полагать, что δμῶς обозначало раба патриархального типа в эпоху господства «...патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств...»⁵. Это соображение подтверждается тем, что ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» мы фактически не встречаем других терминов для обозначения рабов, если не считать не

¹ Папе, Handwörterbuch der griechischen Sprache, Braunschweig, 1880, s. v. δμῶς.

² Liddel and Scott, ук. соч., s. v. δμῶς: «раб, ваятый на войне,... обычный раб... преимущественно во множественном... не встречается в прозе».

³ D a g e m b e r g e t S a g l i o t, s. v. Servi, стр. 1269; литературу по этому вопросу см. в примечании 27-м к той же странице.

⁴ RE, Suppl. VI, стб. 895 и 898.

⁵ К. М а р к с, Капитал, М., 1949, т. III, ч. 1, стр. 344.

вполне четкого термина οἰκέας¹. Дальнейшее уточнение значения этого слова возможно только путем изучения соответствующих многочисленных контекстов в эпосе.

Однако даже если мы выделим группу слов, которые получили значение «раб» лишь в производном смысле (типа οἶμα), а также те слова, которые бытовали в обиходном языке лишь относительно краткое время (типа δμῶς), все-таки останется еще несколько как будто бы вполне равнозначных терминов. Речь идет прежде всего о трех словах: δοῦλος, οἰκέτης и ἀνδράποδον, которые, кстати сказать, наиболее часто встречаются в интересующих нас текстах. Как уже указывалось выше, в исследованиях по древнегреческому рабству принято считать все эти слова синонимами, и никто, насколько нам известно, не пытался анализировать высказывания древних авторов о рабах с точки зрения применяемой ими терминологии.

Начнем наш анализ со слова οἰκέτης. Этот термин, вместе с родственными ему οἰκέτις, οἰκέας и οἰκέτης² применяется самыми различными авторами на протяжении всей античности. Современные буржуазные ученые-историки, заинтересовавшиеся этим словом в связи с их концепцией исторического развития древности, согласны в том, что οἰκέτης восходит к οἶκος, но отмечают только отдельные стороны этого понятия. Показательно определение Бюхера, заявлявшего, что выражением οἰκέται «в истории обозначали только домашних рабов, на которых в то время лежала вся домашняя работа»³. Исходя из этого в основном правильного, но слишком общего, лишенного каких-либо хронологических рамок определения, Бюхер приходит к явно неверному заключению о том, что все античные рабы были ойкетами⁴, как это должно было а priori следовать из его концепции ойк. эконог хозяйства в древности. Мы думаем, что ойкеты действительно были домашними рабами-слугами, но это соображение не подкрепляет, а, наоборот, опровергает построение Бюхера. Ведь если ойкеты были домашними рабами, то кем же были те рабы, которых называли дулами и андраподами, не говоря уже о всех прочих? Ясно, что это были какие-то иные, не домашние, рабы, а ведь их было большинство. Следовательно, непосредственное продолжение бюхеровского анализа разбивает его же выводы.

На это же слово обратил внимание и противник Бюхера Эд. Мейер. Его мнение, как и следовало ожидать, диаметрально противоположно точке зрения Бюхера. Мейер, исходя из своей концепции греческого средневековья, считает, что в гомеровскую эпоху раб «является бесправным по отношению к господину; раб исключен из общины (Gemeinde), так как он чуждого происхождения (stammfremd). Зато он член домашнего коллектива; οἰκέτης (Hausgenosse) называют его греки»⁵. Предположение Мейера, что греки называли рабов ойкетами, так как те не входили в состав общины, очень напоминает такие рассуждения античных «филологов», как *lucus a non lucendo* или *canis quia non canit*.

¹ У Гомера наряду со словом οἰκέας один раз (II, VII, 475) встречается форма ἀνδράποδεςσι. Но, как отмечают со слов Зеподота Грамматика и Аристофана Византийского, Лиддель и Скотт s. v. ἀνδράποδον, это слово «почти несомненно принадлежит к послегомеровскому периоду». Что касается слова δοῦλος, то, не считая прилагательного δοῦλος, оно встречается в эпосе дважды (II, VIII, 409 и Od., IV, 12), но только в женском роде δοῦλη (Лиддель и Скотт, s. v. δοῦλος). Таким образом, и это слово вошло в обиход лишь в послегомеровскую эпоху.

² Ср. G. Busolt und H. Swoboda, Griechische Staatskunde, B. I—II, München, 1920—1926, стр. 137.

³ К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, Пгр., 1923, стр. 53.

⁴ Ввиду того, что, на наш взгляд, имеются значительные различия в словоупотреблении οἰκέτης, δοῦλος и ἀνδράποδον, мы в данной статье переводим их соответственно: «ойкет», «дула» и «андрапода».

⁵ Ed. Meyer, Kleine Schriften, стр. 185.

В научных словарях слово οἰκέτης, наряду с другими значениями, обычно переводится как «домашний раб». Папе объясняет его как Diener, Haussklave, а Лиддель и Скотт — как household slave. Нам кажется, что греческому слову οἰκέτης соответствует латинское famulus и что mutatis mutandis к нему можно отнести замечание Энгельса о famuli. Энгельс, как известно, отметил, что «famulus значит домашний раб, а familia — это совокупность принадлежащих одному человеку рабов»¹. Такими famuli в древней Греции были ойкеты.

У лексикографов οἰκέτης и родственные ему слова обычно поясняются термином δοῦλος. Так, например, делает Гесихий² и некоторые другие. Все же смысловое значение этих слов далеко не одинаково. Об этом свидетельствует ряд текстов, в которых ойкеты и дулы резко противопоставлены друг другу. Так, например, стоик Хрисипп недвусмысленно указывает на различие между этими двумя терминами: διαφέρειν δὲ φησι Χρυσίππος δοῦλον οἰκέτου... διὰ τὸ τοὺς ἀπελευθέρους μὲν δούλους εἶναι, οἰκέτας δὲ μὴ τῆς κτήσεως ἀφειμένους „ὁ γὰρ οἰκέτης, φησί, δοῦλος ἐστὶ κτήσει κατατεταγμένος“ (Athen., VI, 267b). Этот отрывок, повидимому, следует перевести следующим образом: «Хрисипп говорит, что дул отличается от ойкета, так как вольноотпущенники суть еще дулы, а ойкеты не отделены от имущества. Он говорит: „Ведь ойкет — это дул, входящий в состав имущества“. Как бы ни понимать изречение Хрисиппа, все же несомненно, что, во-первых, он видит какую-то разницу между дулами и ойкетами; во-вторых, слово δοῦλος в данном контексте нельзя переводить просто как «раб». В этом случае получилась бы бессмыслица; «вольноотпущенники суть еще рабы». В-третьих, из этого положения Хрисиппа видно, что ойкет представляет собой частное понятие, входящее в состав более широкого понятия «дулы». На наш взгляд, термин δοῦλος в данном отрывке следует понимать не в узком смысле — «раб» (как instrumentum vocale), а как понятие, противостоящее ἐλεύθερος, т. е. обозначающее всякого несвободного человека, более или менее соответствующее русскому «невольник». Исходя из этого, приведенный отрывок Хрисиппа надлежит понимать следующим образом: 1) Хрисипп определенно отличает ойкетов от дулов³; 2) он считает, что вольноотпущенники остаются еще дулами, так как они связаны рядом обязательств по отношению к своим бывшим господам и, следовательно, не могут считаться вполне свободными; 3) противопоставляя ойкетов вольноотпущенникам, он все же включает вольноотпущенников паравне с ойкетами в состав более широкого понятия «дулы»⁴.

Часто говорится о дулах и ойкетах у Платона, который уделяет определенное внимание вопросу о рабах в «Законах»⁵. Платон обычно избегает

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 58.

² H e s y c h i i Alexandrini lexicon, ed. M. S c h m i d t, Jenae, 1867, s. v. οἰκέτης.

³ Редактор текста Афиняне в издании Леба Гюлик (см. его примечание к указанному месту) возражает против мнения Хрисиппа, заявляя, что «это различие, которое можно найти еще раз только у Фомы Магистра, 644, не соблюдается классическими писателями. δοῦλος — это видовое определение любого рода крепостной зависимости, и здесь указывается, что социальное пятно остается после магуμισсии. Ойкет — это домашний раб. Ср. Plat., Legg., 763a, 777a». Совершенно ясно, что Гюлик возражает Хрисиппу только потому, что исходит из концепции существования в древности феодальных отношений. Если бы он считал, что δοῦλος — это «видовое определение любого рода рабства», тогда бы у него не было никаких оснований возражать Хрисиппу и все стало бы на место. Указанные Гюликом места из Платона не подтверждают его мнения, но об этом см. ниже.

⁴ В разборе этого отрывка мне оказали значительную помощь Т. В. Блаватская и О. В. Кудрявцев. Пользуюсь случаем принести им мою глубокую благодарность.

⁵ Греческий текст «Законов» цитирую по Plato, Opera, X, Leges, recens. G. S t a l l b a u m, Gothae, 1859; русский перевод Егунова по изданию под редакцией С. А. Жебелева и др.: П л а т о н, Творения, XIII—XIV, Законы, Пгр., 1923.

слова *ἀνδράποδον*, применяя, как правило, только производные от него: *ἀνδραποδίζω*, *ἀνδραποδισμός* и некоторые другие. Зато он охотно пользуется интересующими нас в данный момент терминами. На наш взгляд, он сознательно различает термины «ойкет» и «дул». Так, например, рассказывая об обязанностях избранных чиновников, Платон, желая подчеркнуть моральное значение их должностей, продолжает: *ξυνελθόντες μὲν μετὰ τῶν πέντε, βουλευσθῶσαν ὡς οἶόν περ οἰκέται οὐχ ἔξουσιν αὐτοῖς ἄλλους οἰκέτας τε καὶ δούλους οὐδ' ἐκ τῶν ἄλλων γεωργῶν τε καὶ κωμητῶν ἐπὶ τὰ ἴδια χρῆσονται ὑπηρετήματα διακόνους, ἀλλὰ μόνον ὅσα εἰς τὰ δημόσια*¹; «...пусть опи (двенадцать. — Я. Л.) соберутся совместно с пятью на совещание: ведь они, точно слуги, уже не будут иметь других слуг и рабов, не будут пользоваться для частных своих нужд услугами со стороны остальных земледельцев и поселян, но только для общественных надобностей». В этом, хорошем вообще, переводе Егунова *οἰκέται* дважды переводится как «слуги», а *δούλοι* как «рабы». Действительно, нельзя переводить оба слова одинаково, так как Платон явно различает их частью *τε* (*οἰκέτας τε καὶ δούλους*), так же как и последующую пару: «земледельцев и поселян». В литературном переводе не совсем удобно было переводить *οἰκέτης*, как «домашний раб». И все-таки в этом контексте правильно будет понимать слово «ойкет» не как «слуга», а именно как «домашний раб».

В основном месте, посвященном вопросу о рабах и, в частности, вопросу о методах обращения с рабами («Законы», 776b—778a), Платон, как это видно из всего контекста, занимается в основном домашними рабами. Его указания рабовладельцам о «воспитании» рабов, о вреде шутки с рабами, об «изнеживании» рабов, очевидно, применимы только к рабам, живущим в доме хозяина. Соответственно этому Платон применяет в общих местах слово «ойкеты», как, например: *τὰ δὲ δὴ τῶν οἰκετῶν χαλεπὰ πάντη* (776b). «Но вопрос о рабах труден во всех отношениях»; или *τί χρὴ ποιεῖν περὶ κτήσεως οἰκετῶν* (776d) «как же следует поступить относительно владения рабами». Таким образом, словом «ойкет» Платон обозначает именно домашних рабов, отличая, а иногда и противопоставляя ойкетов дулам.

Для нашего анализа представляет интерес употребление термина «ойкет» у Афиней. В текстах более древних авторов, цитируемых Афинеем, так же как у Платона, вряд ли случайно отсутствует слово *ἀνδράποδον*; зато очень часто встречаются термины «дул» и «ойкет», реже *παῖς*. Анализируемое нами «ойкет» и здесь применяется, как правило, только в рассказах о домашних слугах. Так, например, в рассказе Диосхида о приключениях Форбанта (VI, 262e—263b) постоянно употребляется слово «ойкет» там, где речь идет об обслуживании гостей. В отрывке из Тимея (VI, 264c), повествующем о происхождении рабства, со ссылкой на Аристотеля сообщается об отсутствии у локров и фокейцев закона, позволяющего пользоваться трудом *θεραπίνας*² или ойкетов. Сочетание этих слов дает основание понимать словоупотребление термина «ойкет» так же, как у Платона. Аналогично применяет этот термин и Афиней и при определении различных категорий рабов у критян. Он указывает, что «критяне называют хризонетами городских рабов (*κατὰ πόλιν οἰκέτας*), а живущих в сельских местностях называют афамиятами, так как те были порабощены военным путем» (VI, 263e).

Единственное место у Афиней в его цитатах из авторов классического и эллинистического периодов, где постулируемое нами понимание слова «ойкет» вызывает некоторые затруднения, это рассказ о спутнике Аристотеля Мпасоне (VI, 264d), который возбудил ненависть фокейцев тем,

¹ Plat., Leg., 763a (кн. VI, гл. 10).

² Слово *θεραπίνας* Пале s. v. переводит: Dienerin, Magd.

что приобрел 1000 рабов (οἰκέτας). Вряд ли здесь может идти речь о столь громадном числе только домашних рабов. Вообще весь этот отрывок в целом вызывает большие сомнения. Мало вероятно прежде всего уже слишком «круглое» число рабов Мнасона. Сомнительно также наличие тысячи рабов у одного человека в столь отсталой области Греции, как Фокида. Возможно, кроме того, что Афиней употребил здесь термин «ойкеты» в связи с дальнейшим контекстом. Ведь ненависть фокейцев, продолжает Афиней, была обусловлена тем, что Мнасон «отобрал необходимые средства пропитания у столь большого числа граждан, так как в домашнем обиходе (ἐν ταῖς οἰκειακαῖς) было принято, что младшие обслуживали старших».

В дальнейшем Афиней вновь возвращается к вопросу о точном значении терминов «ойкет» и «дул», предостерегая против смешения этих понятий. Цитируя фрагмент из Иона Хиосского, он отмечает, что тот: τὸν οἰκέτην ἐπὶ δούλου τέθεικεν (VI, 267d; буквально: «поставил ойкета на место дула»), назвав какого-то дула ойкетом. Здесь же дается второе определение ойкета: ὅτι δὲ οἰκέτης ἐστὶν ὁ κατὰ τὴν οἰκίαν διατρίβων καὶ ἐλεύθερος ἢ κοινόν «общеизвестно, что ойкетом является человек, пребывающий дома, даже если он является свободным». Здесь намечается второе расхождение между значениями слов «ойкеты» и «дулы». Первые — это домашние слуги, как правило, рабы. Иногда, хотя и очень редко, ойкеты могут быть свободными (ἐλεύθεροι). Афиней подчеркивает, что такое понимание слова «ойкет» весьма распространено. Дулы же не обязательно являются домашними слугами, но ни в коем случае не считаются полностью свободными.

В общем можно считать несомненным, что Афиней постоянно применяет слово «ойкет» только по отношению к домашним рабам, к рабам-слугам. Впрочем, в этом же контексте изредка употребляется им и термин «дул» — слово, которое, как мы видели, имеет вообще гораздо более широкое значение.

Реже встречается слово «ойкет» в надписях. Там, где проводится обычная антитеза: свободные — рабы, в текстах употребляется выражение ἐλεύθεροι — δούλοι. В этой антитезе дулы заменяются ойкетами только там, где речь идет именно о домашних рабах-слугах. В постановлении о правах пергамских астиномов¹ указывается, что если в городских колодцах будут поить скот или стирать химатии, то виновники будут наказаны: свободные — штрафом в 50 драм, а ойкеты — 50 ударами в случае, если сделали это по приказу господина, и 100 ударами, если поступили самовольно. Здесь противопоставление ἐλεύθεροι — οἰκέται вполне уместно, так как речь идет именно о домашних слугах, притом несомненно рабах.

Сколько важно придерживаться при переводе точного смысла слов «ойкет» и «дул», свидетельствует сомнительный перевод одного важного места из описания керкирских событий 427 г. у Фукидида. Как известно, во время гражданской войны обе стороны — и аристократы и демократы — обратились за помощью к рабам. В переводе С. А. Жебелева говорится: «...обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам». Любой читатель придет к выводу, что как в первом, так и во втором предложении речь несомненно идет о рабах с окрестных полей. Обратившись же к греческому тексту, мы читаем: καὶ ἐς τοὺς ἀγροὺς περιπέμπτον ἀμφότεροι τοὺς δούλους παρακαλοῦντες τε καὶ ἐλευθερίαν ὑπισχυόμενοι. καὶ τῷ μὲν δήμῳ τῶν οἰκετῶν πλῆθος παρεγένετο ξύμμαχον (Thuc.,

¹ OGIS, 483, стк. 175 слл.

III, 73) «Рабы на полях» — это дулы; их политической позиции Фукидид не определяет. Городские же рабы-слуги — ойкеты примкнули к демосу. Речь, вероятно, идет о двух совершенно различных прослойках рабов¹.

Термин οἰκέται (или οἰκέτης) был весьма распространен в греческом языке на протяжении всей античности. Не изменялось ли с ходом времени его содержание? Ответить на этот вопрос обстоятельно пока не представляется возможным; все же следует обратить внимание на несколько моментов, относящихся к доклассическому периоду. В гомеровском эпосе слово «ойкет» почти не встречается, зато иногда употребляется слово οἰκέτης. Оно, так же как δμῶες, применяется в основном к рабам², но, разумеется, к рабам не античного, а патриархального типа, и к нему полностью относятся вышеприведенное высказывание Энгельса о famuli (см. выше, стр. 53).

В послегомеровскую эпоху, по еще в доклассический период, в связи с ростом рабовладения появляются новые термины, прежде всего «ойкет» и «дула». Эти новые термины свидетельствуют об изменениях в положении рабов и о перемене отношения к ним. Слово δμῶς, связанное с патриархальным рабством, исчезает из обихода и сохраняется только в поэзии. Появляется и широко применяется новое общее определение всех групп лично несвободного населения — δοῦλος, термин, который не мог иметь применения в эпоху военной демократии, когда еще не существовало значительных прослоек лично зависимого населения. Одновременно возникает также дифференцированное название основной группы рабов, домашних слуг — ойкетов. В этом более узком смысле слово «ойкет» продолжает существовать и в классическую эпоху. Зато рабы античного типа, занятые в ремесленном производстве, никогда не называются ойкетами. Их называют дулами, или же, более точно, андраподами.

Появление слова ἀνδράποδον, тесно связанного с эргастериями, относится, как мы увидим в дальнейшем, к V в. В данном аспекте показательным одно место из Гиперида. Этот афинский оратор IV в. до н. э. особенно часто пользуется словом ἀνδράποδον. Только один раз мы нашли у него слово «ойкет», да и то в цитируемом им законе Солона, где говорится: τὰς ζημίας ἅς ἂν ἐργάσωνται οἱ οἰκέται τὰ ἀ[δικήμ]ατα διαλύειν τὸν δεσπότην παρ' ᾧ [ἂν ἐργάσωνται οἱ οἰκέται]³. «Ущерб, нанесенный ойкетами, и их несправедливости должен возместить господин, у которого работают ойкеты». В классическую эпоху в Афинах в связи с глаголом ἐργάζομαι несомненно было бы поставлено слово ἀνδράποδον. Так как в солоновские времена оно еще не существовало, законодатель в данном контексте употребил термин «ойкет».

Небольшой пример из речи Демосфена против Олимпиодора покажет нам, насколько четко авторы классического времени разграничивали словоупотребление терминов «ойкет» и «андрапод». В этой речи рассказывается, что после смерти афинянина Комона явились два претендента на наследство, и имущество покойного было разделено на две части. В состав одной части вошел дом и андраподы σαχυφάνται (изготовители мешков); другая часть состояла из второго дома и андраподов φάρμακοτρίβαι (растиральщики лекарств). Таким образом, рабы на производстве называются, как и следовало ожидать, андраподами. Однако среди андраподов второй группы был один, по имени Мосхион, которого умерший Комон считал наиболее преданным. Этот Мосхион, как только обращается внимание на его преданность (πιστός), сразу назы-

¹ Попутно надо добавить, что греческое πλῆθος никоим образом нельзя здесь понимать как «большинство», а нужно переводить «вся масса» или «множество».

² Busolt — Swoboda, ук. соч., стр. 170; ср. стр. 137.

³ H u r e c i d e s, IV, 22 (с. Athenogenem). Texte par G. Colin, édit. Budé, Paris, 1946.

вается ойкетом¹. Повидимому, раба—доверенное лицо хозяина—нельзя было называть андраподом—«человеческим скотом», и более подходящим для него было название «ойкет».

В функциональном смысле наиболее близким к ойкету является *θεράπων* (resp. *θεράπεινα*). И одно и другое обозначает в классическую эпоху слугу, обслуживающего личные потребности хозяев. Однако, если ойкеты это, как правило, подневольные люди—часть имущества, то в слове *θεράπων*, восходящем к *θεραπεύω*, упор лежит на сопровождаении хозяев, на обслуживании их. Здесь следует отметить, что *θεράπων* приобрел несколько презрительный оттенок только в классическую эпоху. У Гомера это слово несомненно обозначает не «прислужник», а «спутник»—comes, даже «товарищ» или «друг», как переводит его Вересаев (II, XVI, 244 и XVIII, 152). Только с середины V в. *θεράπων* теряет свой прежний смысл и приобретает значение «слуга», а иногда даже и «раб»². Так, например, Свида³ поясняет *θεράπεινα* как *δοῦλη*.

Среди терминов, перечисленных у Поллукса, чаще всего встречается в текстах слово *δοῦλος*. Мы уже видели, что у Платона и Афиней оно часто заменяет слово «ойкет», но все же имеет несколько более широкое значение. По всей вероятности, *дул* и есть общее понятие, наиболее полно соответствующее русскому «раб» в широком смысле этого слова и должно было бы переводиться словом «невольник». Ведь, собственно говоря, наше понятие «раб» значительно шире, чем *instrumentum vocale*, даже с поправкой на его восточную разновидность. Мы можем встретить слово «раб» в таких, например, выражениях, как «раб своих страстей», «раб божий» и т. д. Во всех этих случаях слово «раб» означает человека, не свободного, но не обязательно раба, занятого в производстве. Полной параллелью русскому «раб» в вышеуказанных оттенках являющаяся выражения *χρημάτων δοῦλοι* и *δοῦλοι τοῦ θεοῦ* у Еврипида⁴.

Доῦλος—это раб в самом широком смысле этого слова. Вот почему Гесихий именно этим словом поясняет многие из перечисленных нами греческих терминов (*δμῶς, οἰκέτης, παῖδες* и т. д.). Также в *εἰλωτες* определяются им как *οἱ Λαχεδαίμωνίων δοῦλοι*. Такое же определение более узких, частных понятий общим *δοῦλος* мы видим и у Свида (*εἰλωτες, θεράπεινα* и *δμῶς*). Для понимания слова «дул» много дает комментарий Свида к слову *δοουλεία*. Он пишет: *κατὰ τρεῖς τρόπους τὸν κατὰ τὴν δημιουργίαν... τὸν παρὰ τῆς πίστews... τρίτον, ἀπὸ τῆς πολιτείας*. «Рабство бывает трех видов: от ремесла..., от веры..., в-третьих, от государственного устройства». Таким образом, согласно Свиде, термин «дул» может иметь три оттенка: производственный, религиозный и политический. Широкий диапазон полностью соответствует вышеупомянутому смысловому значению слова «раб» в русском языке.

Слово «дул» исключительно часто встречается в источниках, притом не только на протяжении всей древней истории, но даже в византийскую эпоху. В классическое и эллинистическое время это слово встречается не реже, чем «ойкет» и «андрапод»; в дальнейшем же термин «дул» даже вытесняет прочие наименования рабов.

В отличие от работ исторического содержания, где указывается только

¹ Dem., XLVIII, 14.

² Лиддель и Скотт, s. v. *θεράπων* дают следующие значения: *henchman, attendant, companion in arms, squire, worshipper, servant* и лишь на последнем месте указывают: *at Chios slave*.

³ Suidae Lexicon, ed. G. Bernhady, Halle, 1852—1853; новое издание A. Адлер (Lips., 1928) доведено только до γ включительно.

⁴ Соответственно: Исс., 865 и Io, 310.

на узкое значение слова «дул» — «раб»¹, в филологических справочниках обычно перечисляются многочисленные оттенки этого слова. Словарь Папе дает следующие определения: «Батрак, раб, подчиненный господину... также подданный неограниченного властелина». У Лидделя и Скотта «дул» определяется как «рожденный крепостной (bondman) или раб; противопоставление обращенному в рабство (ἀνδράποδος)... затем вообще раб: противопоставление δεσπότης... часто о персах и других народах, подчиненных деспоту».

Значение слова «дул» легче всего можно уловить из противопоставления его слову ἐλεύθερος. С рабовладельческой точки зрения древних греков, каждый несвободный человек мог быть назван «дулом». Всюду в памятниках, где свободные противопоставляются несвободным, а такими антитезами переполнены все источники, мы встречаем ставшее графаретным выражение ἐλεύθεροί τε καὶ δοῦλοι. Геродот, Фукидид, Еврипид, Аппиан, Дион Кассий — авторы самых различных времен и стилей — одинаково часто пользуются этой антитезой². Не менее часто она встречается и в надписях³. Притом показательно, что ἐλεύθεροι нигде не противопоставляются никаким другим терминам со значением «раб»⁴.

Покоренное население, обращаемое в рабство, также чаще всего характеризуется словом δοῦλοι. Это касается, в первую очередь, илотов и пенестов. В многочисленных текстах, где речь идет об этих группах, они, как правило, называются дулами, реже ойкетами и почти никогда андраподами.

Об общем смысле анализируемого нами термина «дул» свидетельствует также наличие большой группы слов, восходящих к общему корню и имеющих широкое значение, как, например: δούλω, δουλεύω, δουλεία и т. д.

Для понимания значения этого слова богатый материал дают нам надписи. В письме Дария Гистаспа к его сатрапу Гадате (начало V в.)⁵ последний именуется «дулом». Целое тысячелетие спустя в надписи из Коринфа некий Викторин называет себя дулом императора Юстиниана⁶. О широком применении слова «дул» в официальном языке, как в античное время, так и в средневековье, свидетельствует полемика В. В. Латышева с Ю. А. Кулаковским в конце прошлого столетия⁷. Кулаковский считал неприемлемым предложенное Латышевым восполнение лакуны в одной из ранневизантийских надписей словами γνήσιος δοῦλος, так как, по его мнению, высокий византийский сановник не мог назвать себя в официальном документе рабом своего государя. Латышев совер-

¹ D a r e m b e r g et S a g l i o t, s. v. Servi, стр. 1260; RE, Supplb. VI, стр. 902.

² Несколько выборочных примеров: H e r., IV, 142; T h u c., II, 78; IV, 119; VIII, 28; E u r., Iph. A., 1400; A p p., Mithr., 107; D i o C a s s., LXXIX, epit., 6, 1 (Loeb).

³ SIG, 736, стк. 100 слд; SIG², 313, стк. 40 сл.; SIG³, 984, стк. 9 сл.; SIG³, 521, стк. 4 и многие другие.

⁴ Нам известны только два случая совершенно необычного противопоставления ἐλεύθεροι — οἰκέται. На одном из них мы подробно останавливались выше (стр. 55). Это — надпись OGIS, 483, стк. 175 слд. Второй раз то же противопоставление встретилось нам в «Законах» Платона (VIII, 848a), где говорится: «Первая часть назначается для свободнорожденных людей (τοῖς ἐλεύθεροις), вторая — для их рабов (τοῖς τούτων οἰκέταις), третья — для ремесленников и вообще иностранцев». Здесь слово «ойкет» применено вместо «дул», потому что речь идет о распределении нищи господами среди их собственных домашних рабов. Поэтому неуместной была бы обычная антитеза со словом «дулы».

⁵ SIG³, 22: Βασιλεὺς Βασιλέων Δαρείος ὁ Ὑστασπέω Γαδάται δούλω τάδε λέγει.

⁶ SIG³, 910 A и B.

⁷ В. В. Л а т ы ш е в, Повторя, СПб., 1909; статья: «К надписи Евпатория» стр. 201—210 и «О выражении γνήσιος δοῦλος в надписи Евпатория», стр. 211—217.

шенно правильно замечает: «Византийский термин „раб царя“ вполне соответствует „холопу“ Московского государства и нашему слову „верноподданный“»¹. Здесь же им приводится ряд текстов и доказывается широкое применение термина «дул» в обращениях высших византийских сановников к императору.

Ярким примером предельно четкого, на наш взгляд, применения слова «дул» может служить илионская надпись начала III в. до н. э.² В этой надписи публикуется постановление города, направленное против угрозы восстановления недавно свергнутой тирании; в постановлении объявляются награды жителям города, которые убьют тиранна; все жители подразделяются на три категории: граждан (πολιται), иностранцев (ξένοι) и, наконец, несвободных (δοῦλοι). Размеры наград постепенно уменьшаются в зависимости от категории жителей, к которой будет принадлежать грядущий освободитель города от тирании. О несвободных (δοῦλοι) говорится: ἐὰν δὲ δοῦλος ἦ ὁ ἀποκτείνας ἐντιμὸς ἔστω καὶ πολιτείας μετεχέτω κατὰ τὸν νόμον καὶ τριῶντα μνᾶς λαμβανέτω παρὰ τῆς πόλεως... καὶ μέχρι ἂν ζῆι ἐκᾶστης ἡμέρας λαμβανέτω δραχμῆν «Если же убийцей (тиранна. — Я. Л.) является дул, да будет он в чести и да получит он согласно закону участие в гражданстве и пусть получит от города 30 мин. ...и да получает пожизненно по драхме в день». Таким образом, в градации населения Илиопа дулы являются самой низкой категорией; однако в исключительных случаях они могут не только получить свободу, но и даже добиться гражданских прав. В данной надписи они являются несомненно субъектами, а не объектами права.

Аналогичную трехчленную градацию: πολιται, ξένοι, δοῦλοι, мы находим и в известном постановлении дельфийских амфиктионов о принудительном обращении афинских тетрадрахм³; и в этой надписи у дулов предполагаются качества субъекта права — человека, который может поступать в определенных случаях по своему усмотрению.

В той же илионской надписи несколько дальше упомянуты и андраподы. Однако они не являются, как мы могли бы ожидать, четвертой категорией жителей города. Постановление трактует их не как людей, а только как имущество; андраподы дважды перечисляются в тексте, но только наряду с участком, домом, скотом и прочим имуществом сторонников тирании: μήτε γῆν μήτε οἰκίαν μήτε κτήνη μήτε ἀνδράποδα (строки 63 сл. и 110 сл.). Двойное упоминание об андраподах в трафаретной уже в то время форме перечисления имущества явно показывает, что для авторов надписи слова «дул» и «андрапод» далеко не были синонимами, как это кажется многим современным ученым. Первое из этих слов означало человека несвободного, но все же человека; второе же обозначало только вид имущества — instrumentum vocale.

Совсем иную картину исторического развития и применения дает третье из отмеченных нами специфических понятий — ἀνδράποδος. Прежде всего далеко еще не установлено даже происхождение этого слова. Предполагается, что оно могло произойти из двух слов: ἀντήρ и πούς, так как победитель имел обыкновение в знак своей власти наступать ногой на тело побежденного. Вторая гипотеза выводит это слово от ἀνδρα ἀποδόσθαι⁴. Но будучи в состоянии высказаться в пользу одной из этих гипотез, мы бы

¹ В. В. Латышев, ук. соч., стр. 212—213.

² OGIS, 218, стк. 32 слл.

³ SIG³, 729, стк. 4 слл. (начало I в. до н. э.).

⁴ Обе гипотезы указываются в. ч. ἀνδράποδος во многих словарях. См., хотя бы, А. Д. Вейсмана, Греческо-русский словарь. СПб., 1882. Ср. словарь Панае в. ч. ἀνδράποδος. Панае считает вторую гипотезу менее правдоподобной.

хотели здесь обратить внимание на то, что оба предположения подчеркивают, так сказать, внеэкономический характер происхождения андраподов, что является прекрасной иллюстрацией к известному положению Маркса: «Но и система рабства, — насколько она представляет собою господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»¹. Это «прямое физическое принуждение», как способ «натурального присвоения чужой рабочей силы», вполне отчетливо ощущается в обеих гипотезах о происхождении анализируемого нами слова.

Говоря о генезисе термина «андрапод», не лишним будет обратить внимание на напрашивающуюся параллель с *тетраподов*. В таком случае андраподов следовало бы понимать буквально как «человеконогих», выражаясь языком рабовладельческого общества — как «двуногий скот». Здесь напрашивается аналогия с санскритом, где определенная группа рабов называется *dvipada* — двуногими животными в отличие от *catur-pada* — обычного четвероногого скота².

Существенны для понимания слова *ἀνδράποδοι* и некоторые чисто грамматические моменты: прежде всего это — слово среднего рода, в отличие от аналитизированных нами до сих пор терминов. Средний род этого слова, как нам кажется, прямым образом свидетельствует о том, что к андраподам относились не как к людям, а как к вешам, как к говорящим орудиям. Столь же характерно также обычное применение этого слова во множественном числе. И это тоже показатель безличного, абстрагирующегося от чисто человеческих качеств, значения данного слова.

Грамматическое своеобразие термина «андрапод» тесно связано с хронологическими и географическими рамками его распространения. Этот термин появляется в источниках относительно поздно, только на грани VI и V вв. до н. э., во время окончательного перехода «...патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»³. Форма *ἀνδράποδοισι* в эпосе встречается только один единственный раз (II, VII, 475). Однако Лиддель и Скотт, равно как и Папе, считают эту строку более поздней интерполяцией, так как *ἀνδράποδοι* — слово послегомеровской эпохи⁴. Оно довольно часто встречается у Геродота, затем у Фукидида; особенно любит им пользоваться Ксенофонт и другие, преимущественно аттические, писатели IV в. В послеклассическую эпоху слово «андрапод» применяется в литературных источниках обычно в контекстах, связанных с побегami и продажей рабов. Вообще же в эту эпоху оно постепенно заменяется равноценным ему в то время словом *σῶμα*. В эпитафических текстах термин «андрапод» появляется впервые в кизикской надписи в конце VI в. до н. э., правда, не самостоятельно, а в качестве составной части сложного *ἀνδράποδο-*

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 480.

² См. статью Г. Ф. Ильина, Особенности рабства в древней Индии, ВДИ, 1951, № 1, стр. 45.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 344.

⁴ Словари Лидделя — Скотта и Папе, s. v. *ἀνδράποδοι*. В схолиях Аристотеля к указанной строке «Илиады» говорится: *ἀνδράποδοι βίη νεωτέρῃ διωμάσια τοῦ ἀνδράποδοι* (цитирую по Папе).

νίη¹. Весьма часто встречается оно в надписях эллинистического времени, особенно в тех случаях, когда речь идет о беглых рабах или об эргастериях². Однако после начала нашей эры и в литературных текстах и в надписях термин андрапод встречается лишь в считанных случаях. В этом аспекте вряд ли случайно отсутствие этого слова в большой подборке о рабах у Афиня (см. выше, стр. 54 сл.), что, повидимому, надо объяснить не столько более мягким отношением Афиня к рабам, но прежде всего, отмиранием слова «андрапод» в обиходном языке того времени.

В этом аспекте представляет некоторый интерес эволюция слова σῶμα, которая в значительной степени дополняет исторические судьбы термина «андрапод». Как известно, термин σῶμα, обычно переводимый просто как «тело», прошел значительный и интересный путь развития за время от Гомера до падения античности³. В эпосе σῶμα обозначает всегда только «мертвое тело», «труп» — *cadaver*. В классическую эпоху понятие σῶμα расширяется, и оно становится равнозначным латинскому *corpus*. Только во время перехода к эллинизму⁴ σῶμα начинают применять в его специфическом интересующем нас значении по отношению к рабам, вначале с прилагательным δοῦλος в выражении δοῦλα σῶματα и, наконец, в том же значении, уже без определения, просто как σῶματα. Так, авторы классической эпохи пользуются словом σῶμα в интересующем нас смысле почти всегда с определением, как например: ἀχιμάλωτα σῶματα (Dem., XX, 67) или οἰκετικὰ σῶματα (Aesch., I, 16). В этой связи интересно выражение ἐλεύθερα σῶματα (Xen., Hell., II, 1, 19), свидетельствующее о том, с каким трудом слово σῶμα пробивает себе дорогу в качестве определения раба. Аналогично применяется оно и в надписях⁵.

Все же еще Поллукс (III, 78) считает нужным предостеречь от употребления слова σῶμα в значении «раб» без прилагательного: σῶματα δ' ἀπλῶς οὐκ ἔν εἶποις, ἀλλὰ δοῦλα σῶματα. Однако, само собой разумеется, что Поллукс не предупреждал бы против употребления ἀπλῶς слова σῶμα, если бы оно не находило в том виде широкого применения в разговорной речи. Действительно, как указывалось выше, у нас есть все основания предполагать, что в римскую эпоху σῶμα почти полностью вытеснило термин «андрапод». Эта эволюция видна, между прочим, на сложном понятии «работорговец». В классическую эпоху работорговец, как правило, обозначается словами: ἀνδραποδοκῆπλος и ἀνδραποδῶνης⁶. Начиная со Страбона, эти слова исчезают, а работорговец всегда обозначается только словом σῶματέμπορος.

Что касается географических рамок бытования слова «андрапод», то необходимо отметить, что в классическую эпоху они фактически ограничиваются наиболее экономически развитой областью Греции — Атикой; в последующем же расширяются на все Восточное Средиземноморье. Нам,

¹ SIG³, 4. В этой надписи некоему Медикею, его детям и потомкам дается освобождение от всех налогов, кроме оплаты за пользование общественными весами, за продажу лошадей, рабов (ἀνδραποδῶν) и некоторых других оплат.

² IG, XI, 4, 1296, A, 2—8 и B, 2—7; SIG³, 633, стк. 95; OGIS, 773, стк. 3 и многие другие.

³ Подробнее об этой эволюции см. в словарях Лидделя—Скотта и особенно Папе, s. v. σῶμα.

⁴ Ср. Валлон, ук. соч., стр. 264, прим. 9: «Фриних в Epitome говорит, что употребление этого слова не было очень древним; Лобек в своем „Комментарии“ (к Фриниху, стр. 578) сообщает, что первые примеры употребления этого слова (σῶματα) без определения в значении „рабы“ встречаются у Полибия. Но я нашел его уже у Демосфена, правда, при обстоятельствах, которые дают более точное и свойственное ему значение, когда рабов отдают при допросе на пытку».

⁵ SIG³, 588, стк. 65; SIG³, 520, стк. 2; SIG³, 454, стк. 16; SIG³, 633, стк. 87; SIG³, 521, стк. 4.

⁶ Passim у Аристофана; ср. E. Veskeг, Anecdota Graeca, Berl., 1814, стр. 393 и Hesych. s. v. ἀνδραποδοκῆπλος.

в частности, кажется очень показательным — да позволено будет воспользоваться аргументом *ex silentio!* — совершенное отсутствие слова «андрапод» в источниках по истории Северного Причерноморья. Греческие авторы, особенно Геродот, обычно называют скифских рабов дулами.

Итак, мы можем притти к выводу, что термин «андрапод» появляется в греческом языке относительно поздно, лишь во время перехода от патриархального рабства к античному. Он быстро распространяется в период расцвета античного рабовладения, ограничиваясь все же фактически только теми областями, где рабство достигло высшей ступени своего развития. Это относится, само собой разумеется, прежде всего и почти исключительно к Афинам. Наконец, в период кризиса рабовладельческой системы слово «андрапод» постепенно исчезает из литературного и обиходного языка, появляясь только изредка как анахронизм. Все это подводит нас очень близко к мысли о том, что «андрапод» является не просто синонимом слова «дул», как это было принято считать до сего времени равным образом в исторической и филологической литературе, а определяет новое явление, новую форму рабства, которая, в силу ее резкого отличия от распространенных до того времени примитивных форм рабовладения, требовала специального термина для своего определения. Нам кажется, что в отличие от понятия *δοῦλος*, определяющего раба как такового, раба в широком смысле слова, в первую очередь раба патриархального типа, *ἀνδράποδος* означает раба античного, являющегося в глазах рабовладельцев только орудием производства, частью имущества, *instrumentum vocale*.

Прежде чем обратиться непосредственно к текстам, доказывающим ко-ренное, на наш взгляд, различие между словами «дул» и «андрапод», хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Мы уже мельком упоминали о группе слов, связанных с корнем *δοῦλος*, и пришли к выводу, что все эти термины касаются рабства в широком смысле слова, рабства как такового. Так, например, *δουλεία*, согласно указанию Свида и Диогена Лаэртского, является очень широким понятием, охватывающим не только область производственных отношений, базиса, но и надстройки. *Δουλέω* значит «поработать». Мы и в современном языке зачастую говорим о порабощении, не вкладывая в это понятие специфически античного понимания этого слова. Порабощение для нас означает не столько превращение в рабов, сколько лишение свободы. А ведь это далеко не синонимы: крепостные лишены свободы, но вовсе не рабы. То же касается и *δουλοσύνη* — еще одного производного от *δοῦλος*. Ограничимся одним ярким примером из истории Северного Причерноморья. В «Скифском рассказе» Геродота говорится (IV, 128): *οἱ δὲ Σκυθῶν βασιλεῖς ἀκούσαντες τῆς δουλοσύνης τὸ οὐνομα ὀργῆς ἐπλήσθησαν*. «Скифские цари, услышав слово „рабство“, преисполнились негодования». В предшествующей главе Идантирс возмутился тем, что Дарий назвал себя его *δεσπότης*. Учитывая конкретную обстановку переговоров, во время которых персы, как известно, добивались только собственного спасения и требовали лишь формального признания своего главенства, представляется несомненным, что речь могла идти только о подчинении *de nomine*; *δουλοσύνη* здесь по существу не только не обозначает рабского состояния, но даже и не лишение, а всего лишь некоторое ограничение свободы.

Совсем иную картину дают слова группы *ἀνδράποδος*. В основной своей массе они непосредственно связаны с хищением рабов и работоторговлей. Таковы упомянутые выше *ἀνδράποδωνίη*, *ἀνδράποδοκλήτος* и т. д. Чаще всего в текстах встречаются *ἀνδράποδίζω* и *ἀνδράποδισμός*. Все эти слова никогда не обозначают общих понятий, связанных с рабством как таковым, а именно похищение или торговлю рабами. Если даже иногда

похищались и свободные ¹, то все равно после похищения они превращались в обычных андраподов.

Мы видели раньше, что лексикографы, как правило, поясняют анализированные нами раньше греческие термины через δούλος. Что же касается андраподов и слов этой группы, они почти никогда не поясняются таким образом. Из всех терминов, перечисленных выше, единственное ἀνδροπόδεις Гесихий (s. v.) описывает как δούλοπρεπεῖς. Все прочие поясняются чаще всего при помощи производных от αἰχμάλωτος. Повидимому, и он чувствовал, что слово «андрапод» имеет специфический, мы бы сказали, узко античный оттенок.

Термин «андрапод» по-разному переводится буржуазными историками и филологами. Как уже указывалось выше, Вестерман считает это слово «юридически ясным и допустимым (zulässig) понятием», обозначающим раба (см. выше, стр. 48). Отмечается, что рабов «называли также „андраподами“ — „человеконогами“ и, таким образом, их ставили рядом с χαρταίποδα, „сильноногими“ — крупным скотом»². Боше полагает, что «часто встречаемое слово ἀνδράποδον является древним определением раба, человеческой собственности»³. Таким образом, в историографии отмечается только одно значение слова ἀνδράποδον — «раб».

В отличие от историков, филологи подчеркивают наличие многих оттенков этого слова. Так, словарь Папе (s. v.) дает следующие варианты: «раб, особенно военнопленные, попавшие в рабство, ...затем приобретает презрительный оттенок в противопоставлении слову ἀνῆρ». Лиддель и Скотт считают, что ἀνδράποδον можно перевести либо как «взятый в плен на войне и проданный в качестве раба...», пленный», или же как «человек низшего сорта». Следует признать, что в данном случае более правы филологи, опирающиеся, впрочем, не столько на анализ текстов, сколько на авторитет Гесихия, поясняющего ἀνδραποδίζει и ἀνδραποδισμός через αἰχμαλωτίζει и αἰχμαλωσία⁴.

Касаясь происхождения самого слова «андрапод», мы уже отмечали, что в нем отчетливо отражается момент внеэкономического принуждения. В самом деле, слово «андрапод» во многих случаях может и должно пониматься, как αἰχμάλωτος («пленный»), но обязательно продаваемый в рабство. Особенно часто это относится к V в. Однако в дальнейшем, начиная с конца V, — начала IV в., андраподы — это не столько пленные, обращаемые в рабство, сколько рабы, правда, в частном, античном значении этого слова.

Среди многочисленных текстов, говорящих об андраподах, особенно важны те, в которых речь идет одновременно и о дулах. Мы уже анализировали илионскую надпись OGIS, 218. Здесь дулы являлись третьей и самой низшей категорией жителей города, противопоставленной двум группам свободных: гражданам и иностранцам. Андраподы в той же надписи составляли только часть имущества наряду со скотом, землей и т. д. Нечего и говорить, что в данном случае это слово нельзя переводить ни одним из предлагаемых Лидделем и Скоттом вариантов, так как здесь речь не идет ни о пленных, ни о проданных в рабство, ни, наконец, о людях «низшего сорта». Последними, судя по контексту, являются дулы. В этой надписи андраподов можно понимать только в постулируемом нами смысле — как instrumenta vocalia.

¹ См. статью Thalheim'a 'Ανδραποδιστής в RE, I, стб. 2134. Там же указаны все ссылки на источники. Ср. также упоминаемый Плуксом (III, 78) специальный закон против продажи свободных в рабство — δίκη ελευθεροπραξίου.

² Busolt — Swoboda, ук. соч., стр. 279.

³ Dagemberg — Sagliot, ук. соч., стр. 1260.

⁴ Hesyeh., s. vv.; ср. также Becker, ук. соч., стр. 393, s. v. ἀνδραποδισμός.

Ярким примером столь же резкого противопоставления дулов и андраподов является то место Геродота, в котором скифы, победоносно продвинувшиеся к Истру, высказывают свое презрение к ионянам, спасшим Дария во время его отступления (Her., IV, 142): Σκύθαι ... ὡς εἶοντας Ἴωνας ἐλευθέρους, κακίστους τε καὶ ἀνανδρωτάτους κρίνουσι εἶναι πάντων τῶν ἀνθρώπων, τοῦτο δέ, ὡς δούλων Ἴωνων τὸν λόγον ποιούμενοι, ἀνδράποδα φιλοδέσποτά φασι εἶναι καὶ ἄδρηστα μάλιστα. «Скифы полагают, что ионяне, если они свободны, худшие и трусливейшие из всех людей; но... если ионяне несвободны (δούλοι), они являются наиболее преданными и несклонными к побегу рабами (ἀνδράποδα)».

В этой цитате, с точки зрения терминологии, обращают внимание два момента: прежде всего упомянутое нами противопоставление ἐλευθεροὶ и δούλοι как двух взаимоисключающих понятий: первые это — свободные люди; вторые же лишены свободы; во-вторых, интересно сопоставление второй пары: дулов и андраподов. Из всего контекста ясно, что это далеко не синонимы. С точки зрения греческого языка, например, никак нельзя представить себе, что эти термины можно употребить друг вместо друга. Ведь андраподы входят в состав более общего понятия «дулы», которые могут быть андраподами, но могут также и не быть ими. Очевидно, переводить и одно и другое просто как «рабы» без оговорок, как это делает Ф. Г. Мищенко, нельзя¹.

Рассмотрим три текста: Геродота, Фукидида и Ксенофонта, в которых ясно ощущается вся трудность правильного понимания термина «андрапод». В рассказе Геродота об обстоятельствах гибели Поликрата Самосского это слово употребляется в своеобразном контексте. Оройта, убив Поликрата, отпустил сопровождавших его самосцев, а прочих: ὅσοι δὲ ἦσαν ξεῖνοι τε καὶ δούλοι τῶν ἐπομένων, ἐν ἀνδραπόδων λόγῳ ποιούμενος εἶχε (III, 125). Мищенко переводит это место следующим образом: «Напротив, всех иностранцев и рабов, находившихся при Поликрате, удержал у себя в рабстве», понимая здесь, очевидно, слова «дул» и «андрапод», как синонимы. Между тем мало вероятно, чтобы Геродот: 1) отмечал, что рабы остались рабами, и 2) пользовался для утверждения этого очевидного факта различными терминами. Более правильно предположить, что оба эти слова означают разные понятия. Тогда мы получим обычную, встречающуюся нам уже трехчленную градацию: граждане (здесь самосцы), иностранцы и дулы. В данном случае под последними, очевидно, надо понимать рабов. Ведь ясно, что в свите Поликрата должно было быть немало рабов. Но как же понимать тогда в том же предложении слово «андрапод»? Единственная, на наш взгляд, возможность состоит в том, чтобы переводить его, согласно с Лидделем — Скоттом и Папе, как «пленный». Тогда мы получим перевод: «Иностранцев же и рабов, членов свиты Поликрата (τῶν ἐπομένων), считавшими пленными»². В продолжении своего рассказа (III, 129) Геродот вновь называет этих же людей андраподами.

Совершенно так же должно переводиться место из Фукидида (VIII, 28, 4). Речь здесь идет о действиях пелопоннесского флота на малоазийском побережье в 412 г. Пелопоннесцы, взяв штурмом Иас, передали Тиссаферну городок καὶ τὰ ἀνδράποδα πάντα καὶ δούλα καὶ ἐλεύθερα по дариеву статуру за каждого. С. А. Жебелев правильно перевел: «Городок со всеми пленными, рабами и свободными». Здесь мы имеем слова обычное

¹ Ф. Г. Мищенко (Геродот, История в девяти книгах, М., 1888) переводит это место следующим образом: «Поэтому так оценивают они ионян: если ионяне свободны, то они самые жалкие трусы; но если смотреть на них, как на рабов, они самые преданные и постоянные рабы».

² Так, впрочем, и переопределяется это место в последнем издании Геродота J. E. Powell'a, Oxf., 1949: but all the strangers and slaves he accounted captives and kept.

противопоставление ἐλευθεροί—δούλοι, причем обе группы становятся андраподами, — в данном контексте, несомненно, пленными.

Еще один пример того же рода из Ксенофонта. Здесь описываются события последнего периода Пелопоннесской войны. Спартанский наварх Калликратид захватил штурмом Метимну на Лесбосе (Xen., Hell., I, 6, 14—15); τὰ μὲν οὖν χρήματα πάντα διήρπασον οἱ στρατιῶται, τὰ δὲ ἀνδράποδα συνήθροισεν ὁ Καλλικρατίδας εἰς τὴν ἀγοράν. Когда же союзники потребовали ἀποδόσθαι καὶ τοὺς Μεθυμναίους, Калликратид заявил, что, пока он у власти, никто из эллинов, поскольку это от него зависит, не будет продан в рабство (ἀνδραποδισθῆναι). Τῇ δ' ὑστεραίᾳ τοὺς μὲν ἐλευθέρους ἀφῆκε τοὺς δὲ τῶν Ἀθηναίων φραυρούς καὶ τὰ ἀνδράποδα τὰ δούλα πάντα ἀπέδοτο.

Данное место интересно не только тем, что афинянин Ксенофонт ухитрился исключить афинский гарнизон Метимны из числа эллинов. Для нас имеет значение прежде всего понимание дважды встречающегося здесь слова «андрапод». В первом случае оно противопоставлено χρήματα — имуществу и означает, по видимому, не только рабов, но всех вообще людей, захваченных в городе, в том числе, очевидно, и метимнян. В противном случае было бы непонятно, как это Калликратид на следующий день смог их отпустить, если бы он не собрал их на агору после захвата города. При втором упоминании об андраподах здесь появляется редкое сочетание τὰ ἀνδράποδα τὰ δούλα; очевидно, δούλα здесь является определением к ἀνδράποδα. Но разве можно переводить нам их в таком случае — «рабские рабы»? С. Я. Лурье¹, понимая слово «андрапод» только как «раб», переводит оба контекста соответственно: «рабов Калликратид велел собрать на агору» и «а афинский гарнизон и тех, которые и раньше были рабами, продал с молотка». Но тогда, во-первых, непонятно, как мог Калликратид отпустить незадержанных метимнян, и, во-вторых, что это за рабы, «которые и раньше были рабами». Все эти трудности снимаются, если в данном контексте понимать слово «андрапод», как «пленный». Тогда метимняне, попавшие в число пленных, будут отпущены Калликратидом вопреки настояниям союзников, а τὰ ἀνδράποδα τὰ δούλα превратятся в обычных пленных рабов.

Таким образом, на наш взгляд, неопровержимо доказывается, что ἀνδράποδα в некоторых случаях, особенно в ранний период бытования этого слова, понималось как пленные, подлежащие продаже в рабство.

Все же ἀνδράποδων быстро теряет свое первоначальное значение «военнопленного» и в последующее время употребляется исключительно в смысле instrumentum vocale. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, слово «андрапод» употребляется в связи с эргастериями. В известных мне надписях, упоминающих об эргастериях, — их пока только три — всегда перечисляются только андраподы, другие названия рабов не встречаются. Такое типичное сочетание мы имеем, например, на фрагменте памятника неизвестного времени из Thoricum (SIG³, 1191). Надпись гласит: ὄρος ἐργαστηρίου καὶ ἀνδραπόδων πεπραμένων ἐπὶ λύσει Φεΐδωνι Αἰζῶνσι. «Закладная на эргастерий и андраподов, условно проданных Фейдону Аиксонею». Здесь, очевидно, андраподы означают рабов, занятых в мастерской и являющихся собственностью эргастериярха, который отдает их в залог вместе с недвижимым имуществом. Эта надпись ярко иллюстрирует положение товарища Сталина: «...собственность работодателя на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»².

¹ Ксенофонт, Греческая история, перевод С. Я. Лурье. Л., 1935.

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

Такое же сочетание эргастерия с андраподами мы имеем и в афинской надписи IG, II, 1123: ἐργαστηρίου καὶ ἀνδραπίδων. В одной из оставшихся мне недоступными делосских надписей речь идет о храмовых участках, сдаваемых в аренду настоятелями храма Аполлона — гieroпеями. В контрактах перечисляется весь недвижимый и движимый инвентарь каждого участка вплоть до количества деревьев и даже дверей в отдельных помещениях. На некоторых участках имелись ремесленные мастерские. Соответствующие контракты включают графетную формулу: ὑποκείσθαι δὲ τῷ θεῷ τὰ βοσκήματα καὶ τὰ ἀνδράποδα καὶ τὰ [ἐργαλ]εῖα πάντα¹ «Остается подчиненным богу (т. е. храму. — Я. Л.) скот, андраподы и все инструменты» (находящиеся на арендованных участках).

В делосской надписи начала III в. до н. э., в ἱερὰ συγγραφῆ — «священном договоре», содержанием которого является типовой контракт арендаторов храмовых участков с храмом Аполлона Делосского², также упомянуты андраподы. В надписи говорится, что в случае, если арендатор не внесет в срок взноса за участок, то после продажи урожая следует продать в счет недоимок τοὺς βοῦς καὶ τὰ πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράποδα («быков и мелкий скот и андраподов»). Таким образом, и здесь андраподы упомянуты только в качестве собственности. В том же смысле употреблено это слово и в надписи из OGIS, 262, ст. 24—25, относящейся, правда, к середине III в. н. э. В ней мы встречаем следующий контекст: ἀνδράποδα δὲ καὶ τετράποδα καὶ τὰ λοιπὰ ζῶα ὁμοίως πωλείσθω ἐν τῷ τόπῳ.

В последних пяти надписях, так сказать, «инвентарного» характера, относящихся к различным периодам и происходящих из всего Восточно-средиземноморского бассейна, никак нельзя приложить к слову «андрапод» понятие «пленный». Андраподы рассматриваются в приведенных текстах только как часть имущества, как рабы в античном понимании этого слова. Заметим попутно, что ни ойкиеты, ни дулы, насколько нам известно, в этом понимании нигде не встречаются.

Дальнейший свет на значение слова «андрапод» проливает речь Гиперида в защиту Ликофрона (II, 2, 1 сл.). В этой речи рисуется характерная картина из быта Афин первой половины IV в. до н. э. Некий Дионисий (?) «пользовался во время производства работ андраподами Аристана (Ἀρίστωνος δὲ ἀνδράποδα εἶχεν ἐν τοῖς ἔργοις) ... Вот каково занятие этого Аристана: он, ходя (по городу. — Я. Л.) призывает всех людей к суду; против тех, которые не дают ему денег, он затевает дело и обвиняет их. Те же, которые пожелают от него отделаться, уходят, но дают деньги Теомнесту. Тот, взяв деньги, покупает андраподов (ἀνδράποδα ἀγοράζει) и... дает тому (Аристону. — Я. Л.) за каждого андрапода по оболу в день (ὕπὲρ ἑκάστου τοῦ ἀνδραπίδου ὀβολὸν τῆς ἡμέρας), дабы сикофант жил вечно».

Здесь мы впервые встречаемся с разновидностью андраподов, сдаваемых в наем; андраподы ἐν τοῖς ἔργοις — это несомненно рабы, занятые в ремесленном производстве. Маркс во втором томе «Капитала» указывает, что «...у афинян прибыль, которую рабовладелец получает непосредственно, при помощи промышленного использования своего раба, или косвенно, при помощи отдачи его в наем другим лицам, применяющим труд в промышленности (напр., в горном деле), рассматривалась просто как про-

¹ Текст этой, равно как и предыдущей надписи, цитирую по примечаниям Дпттенбергера к SIG³, 1191.

² Inscriptions de Délos, 503. Эта надпись, весьма важная для понимания античной экономики, широко обсуждалась в специальной литературе. В самое последнее время ею обстоятельно занимался J. H. Kent, The temple estates at Delos, Rheneia and Mykonos, «Hesperia», XVII (1949), № 4, стр. 243—337; текст «священного договора» анализируется на стр. 267—287.

цент... Простые домашние рабы, служат ли они для выполнения необходимых услуг или только для парадирования роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу «прислуги»¹. Таким образом, Марк выделяет для Афин три категории рабов: 1) непосредственно используемые рабовладельцем в ремесле; 2) рабы, сдаваемые в наем и 3) домашние рабы — прислуга. Андраподы, описанные Гиперидом, несомненно принадлежат ко второй категории. В источниках они иногда даже и называются *ἀνδράποδα μισθοφοροῦντα*. Третья категория, это, — само собой разумеется, ойкеты.

В известном рассказе Фукидида (VII, 27, 5) о бегстве 20 тысяч афинских рабов к спартанцам в Декелею рабы, как и следовало ожидать, именуются андраподами: *...καὶ ἀνδραπόδων πλείον ἢ δύο μυριάδας ἡγετομολήσαν, καὶ τούτων τὸ πολὺ μέρος χειροτέχνηται*. «И более 20 000 рабов перебежало от них (к неприятелю. — Я. Л.), в том числе большая часть ремесленников». Эти рабы, занимавшиеся в основном ремесленным трудом, были типичными *instrumenta vocalia* и потому вполне точно назывались именно андраподами, а не ойкетами или дулами. Нам кажется, что первая из перечисленных Марксом категорий афинских рабов могла бы быть названа древними греками именно *ἀνδράποδα χειροτέχνηται*.

Попутно мы уже упоминали, что особенно любит применять это слово Ксенофонт. Говоря о наличии у богатых афинских рабовладельцев значительного числа рабов, сдаваемых в наем, Ксенофонт вспоминает о некоем Гиппонике (*Vect.*, IV, 15), у которого было *ἑξαχόσια ἀνδράποδα κατὰ τὸν αἰτῶν τρίπον ἐνδεδομένα* («600 андраподов, размещенных таким же образом») в Лаврийских рудниках, как и рабы Никия. Предлагая свой план увеличения доходов Афинского государства путем покупки государственных рабов, Ксенофонт вновь постоянно говорит об андраподах: *εἰ ὥσπερ οἱ ἰδιῶται κτησάμενοι ἀνδράποδα πρόσδοον ἀένναον κατεσκευασμένοι εἰσὶν, οὕτω καὶ ἡ πόλις κτῆτο δημόσια ἀνδράποδα ἕως γίγνοιτο τρία ἑκάστη Ἀθηναίων*. «Если бы так же, как частные люди получают ежегодный доход путем приобретения андраподов, и государство приобретало государственных андраподов, пока бы их не стало по три на каждого из афинян...». Очевидно, здесь, согласно плану Ксенофонта, покупаемые рабы подслужали использованию в производстве.

В связи с этим интересно сочетание *δημόσιαι ἀνδράποδοι*; как известно, государственные рабы обычного типа назывались всегда *δημόσιαι δοῦλοι* или просто *δημόσιοι* — демосиями, без какого-либо определения. Эти рабы представляли собой нечто вроде рабской «аристократии». Лучники, писцы и другие низшие чиновники государственного аппарата в Афинах жили, понятно, в значительно лучших материальных условиях, чем основная масса рабов. Единичные примеры относительного благосостояния отдельных демосиев часто используются модернизаторами для того, чтобы «доказать», что положение рабов было не хуже, чем условия жизни свободной бедноты. Вполне понятно, что демосии относились к группе дулов. Единственный встретившийся нам случай сочетания демосиев с андраподами — это вышеуказанный рассказ Ксенофонта. Но именно это сочетание подтверждает, на наш взгляд, коренное различие между терминами «дул» и «андрапод». Если обычные демосии представляли верхушку рабов, то демосии ксенофонтова типа, очевидно, должны были стать высшей прослойкой среди рабов, так как общезвестны непомерно тяжелые условия работы, скажем, в Лаврийских рудниках. Назвать именно эту прослойку обычным наименованием *δημόσιοι δοῦλοι* было бы в корне неправильно, так как создавало бы ложное представление об их положении

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, 1949, стр. 479 сл.

и функциях. Поэтому Ксенофонт вполне последовательно применил необычное сочетание *δηροσια ἀνδράποδα*. Упомянутые в том же отрывке частные андраподы — это уже знакомые нам типичные рабы, используемые в ремесленном производстве либо самими хозяевами, либо сдаваемыми в наем.

Особенно часто применяется термин «андрапод», когда речь идет о работорговле (например, Поллукс, VII, 11; Гиперид, IV, 5). Аналогично используется анализируемым термином и Страбон. Единственный случай применения этого слова в текстах, связанных с Северным Причерноморьем, касается описания танаисского рынка рабов. Страбон указывает здесь, что азиатские и европейские кочевники привозят туда андраподов, шкуры и прочие товары кочевников, а торговцы из Боспора взамен везут одежду, вино и прочие предметы повседневного обихода. Здесь понимание слова «андрапод» представляет некоторые затруднения: из текста не ясно, кого подразумевает Страбон: пленных или рабов. Думается все же, что имеется в виду скорее второе значение, так как во времена Страбона слово «андрапод» уже повсеместно означало «раб». Термин этот вполне мог применяться к кочевникам, потому что речь идет не об используемых ими, а о продаваемых за границу рабах¹.

В известном месте о делосском рынке рабов, способном ежедневно принимать и продавать громадные массы рабов (XIV, 5, 2: *δυναμένη μυριάδας² ἀνδραπόδων αὐθημερόν καὶ δέξασθαι καὶ ἀποπέμψαι*), Страбон снова пользуется словом *ἀνδράποδον*.

Афиней, который, как мы указывали выше, избегает этого слова, все же применяет его один раз в контексте о работорговле хиосцев. Сообщив со слов Николая Перипатетика и Посидония о том, что во времена Митридата хиосцы были отданы во власть их собственных рабов (*δούλους*), Афиней уже от своего собственного имени заявляет: *οὕτως αὐτοῖς ἀληθῶς το δαιμονιον ἐμίσησε πρώτοις χρησαμένοις ὀνητοῖς ἀνδραπόδοις τῶν πολλῶν χεῖρουγῶν ὄντων κατὰ τὰς διακονίας*. «Так справедливо наказало их божество за то, что они первые воспользовались покупиными рабами, хотя многие люди жили самостоятельно, занимаясь обслуживанием»³. Считать, что слово «андрапод» употреблено здесь случайно, не представляется возможным, так как у Афиней значительная часть шестой книги посвящена вопросу о рабстве. Единственное возможное объяснение, на наш взгляд, состоит в том, что в данном отрывке говорится о работорговле, где особенно принято было применять этот термин.

Напомним в этой связи еще об одном обстоятельстве. Мы знаем, что все термины, обозначающие рабов, имеют много производных слов. Все же понятия, связанные с работорговлей, всегда включают только *ἀνδράποδον* или *σῶμα*. Ни ойкисты, ни дулы не связаны непосредственно с работорговлей (ср. выше, стр. 61). В этом аспекте интересно уже само построение редко встречаемого слова *ἀνδραπόδωνη* из упомянутой нами кизикской надписи.

Приступая к анализу термина «андрапод», мы отмечали в качестве особенности средний род этого слова, показательный для предметов и существ, не обладающих собственной волей. Действительно, из приведенных многочисленных примеров явствует, что андраподы всегда были только объектом эксплуатации и что их действия не считались самостоятельными. В самом деле, какая могла быть воля у «говорящего орудия»? Однако гре-

¹ Strabo, XI, 2, 3.

² О переподслова *μυριάδας* см. Я. А. Ленцман, Рынок рабов на Делосе, ВДИ, 1950, № 1, стр. 58.

³ Athenaei, VI, 266f. Эту же мысль об отрицательном значении рабства Афиней проводит и в других частях своей книги. Ср. VI, 263 f, 264 c и особенно 264d.

ческие рабовладельцы под натиском фактов вынуждены были, правда, в одном только случае, признать, что и андраподы могут действовать самостоятельно. Речь идет о побегах рабов из неволи. Это чувствуется уже даже в знаменитой Мегарской псефизме, в которой афиняне ставят в упрек мегарянам ἀνδραπόδων ὑποδοχὴν τῶν ἀφισταμένων (Thuc., I, 139, 2: «прием беглых рабов»).

В надписи OGIS, 773, относящейся к началу III в. до н. э., жители острова Ио восхваляют некоего Зенона за помощь в возвращении им беглых рабов (стк. 4: τῶν ἀνδραπόδων τῶν ἀποδράντων). Особенно четко этот момент ощущается в проклятии делосцев по адресу каждого, ὅστις ἐκ Δελου ἀνδράποδον ἐξάγει εἴτε ἔχων εἴτε ἔχον¹ «кто вывезет из Делоса андрапода вопреки желанию или по согласию такового». Андраподы, являвшиеся обычно только говорящим орудием, оказывается, вдруг начинают обладать собственной волей. Так, практика классовой борьбы в античности вдохнула жизнь в мертвые грамматические формы.

Мы заканчиваем на этом анализ слова «андрапод» и вместе с тем весь обзор важнейших греческих терминов со значением «раб». Мы видели, что этот термин, обозначавший сначала прежде всего пленных, живую добычу, подлежащую продаже в рабство, очень быстро приобрел значение «раб». Притом он встречается только в таких контекстах, как эргастерии, рудники, списки имущества, работорговля и побеги рабов. Это обстоятельство, равно как ограниченные географические и хронологические рамки применения этого слова (только наиболее развитые греческие государства и только в период максимального расцвета рабовладения), дают основание полагать, что это слово употреблялось обычно в качестве определения античного раба — «говорящего орудия». Само собой разумеется, что наша гипотеза является в некоторой степени предварительной и требует дальнейшей проверки текстами, разработки и возможного уточнения некоторых нюансов.

Из анализа всех терминов в целом вытекают некоторые важные выводы общенсторического порядка. Прежде всего необходимо изучать различные категории древнегреческих рабов в отдельности, обращая внимание не только и даже не столько на черты их сходства, а прежде всего на различие между ними. Таким образом будет разоблачена мейеровская концепция о положении античных рабов, якобы полностью адекватном положению пролетариата в капиталистическом обществе, будут заложены предпосылки для создания подлинной истории производителей материальных благ в рабовладельческой общественно-экономической формации, будет показана ожесточенная классовая борьба между рабами и рабовладельцами в древней Греции.

Вторым важным выводом является необходимость более пристального и дифференцированного изучения положения тех многочисленных слоев населения, которые обозначаются в источниках общим термином «дул». Вполне очевидно, что нельзя ставить на одну доску три столь различных явления, как отношения между царскими и прочими скифами, между илотами и спартнатами и, наконец, между так называемыми «варварами» и эллинами. Между тем все эти отношения определяются в источниках одним и тем же термином δουλεία. С другой стороны, вполне ясно, что все эти отношения в целом никак нельзя считать адекватными отношениям между рабами и рабовладельцами в античном обществе.

¹ IG, XI, 4, 1296, A, 2 сл., B, 2 сл.